

**Символика животных в переводных произведениях.
«Священные» животные
(на материале переводов с корейского и китайского языков)**

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2004

Испокон веков животные служили человеку «символическими выражениями как различных явлений внешней природы, так и собственной его духовной жизни, его страстей, пороков и добродетелей» (Шеппинг 1868, 1). Человек обозначал именами и переносил на самого себя качества животных. Для корейца, например, сильный и отважный человек ассоциируется с *тигром*, одаренный, решительный и храбрый — с *драконом*, благородный и порядочный — с *фениксом*, честный и кроткий — с *единорогом-цилинем* и т. д. Названия животных встречаются и в окружающей нас действительности: в названиях созвездий, растений и т. д. В Корее, например, существуют названия созвездий: *кын гом джари* — созвездие *Большой медведицы*, *чагын гом джари* — созвездие *Малой медведицы*, *квмаги джари* — созвездие *Вороны*, *бэм джари* — созвездие *Змеи*, *ёнсу джари* — созвездие *Барана* и др. (ср. русск. созвездия *Большой медведицы*, *Малой медведицы* и др.); растений: *токки пуль* (*заячья трава*), *бэм пуль* (*змеиная трава*), *двэджи пуль* (*трава свиньи*) и др. (ср. русск. *львиный зев*, *мышинный горошек* и др.).

На Дальнем Востоке широко распространены представления о животных как о первопредках, тотемах. Животным, которое признавалось предком рода, был у корейцев *медведь*. В числе тотемов также были *петух*, *сорока*, *лягушка*, *дракон* и *собака*. В средние века были мифологизированы *жаба*, *сороконожка*, *червь*, *змея*, а также *свинья* наряду с персонажами, заимствованными из Китая: *единорогом-цилинем*, *фениксом* и другими (см. об этом Ким 2001; Никитина 2001; Самозванцев 2000, 249; 298).

В эпоху Мин животные служили знаками различия у военных чинов. Например, для первого и второго рангов использовали изображение *льва*, для третьего — изображение *тигра* и т. д. У гражданских чинов на одежде вышивались не звери, а птицы: *журавль*, *дикий гусь*, *цапля*, *мандаринская утка*, *иволга* и др. Квадраты с изображением животных носили на халате (см. об этом Поджио 1892, 237; Сидихменов 2000, 297-298; «Цветы сливы...» Т. 1 1998, 376).

В дальневосточных странах было распространено представление о солнечном зодиаке, в соответствии с которым звездное небо разделено на двенадцать частей, названных именами реальных и мифических животных: *мышь*, *бык*, *тигр*, *заяц*, *змея*, *лошадь*, *овца*, *обезьяна*, *курица*, *собака*,

свинья, дракон. В зависимости от положения этих двенадцати созвездий определялось положение солнца в каждый месяц. Соответственно именовались и небесные пространства: западную часть звездного неба называли областью *белого тигра*, северную – областью *черной черепахи*, восточную – областью *лазоревого дракона*, южную – областью *красной птицы*. По лунно-солнечному, так называемому китайскому календарю, года, месяцы, дни и даже часы приурочивались к одному из двенадцати представителей животного мира, перечисленных выше (см. об этом подробнее Костенко, Петушков 1999, 18-31; Сидихменов 2000, 16).

В Китае с давних пор существовали различные системы классификации живых организмов. Наиболее распространено было представление о «пяти видах существ», различавшихся по их внешнему покрову: панцирные, чешуйчатые, пернатые, покрытые шерстью и гладкокожие. Древние верили, что на земле имеется по 360 разновидностей каждого класса существ и каждый из них имеет свою «главу»: глава панцирных – *черепаха*, глава зверей, покрытых шерстью – *единорог*, пернатых – *феникс*, чешуйчатых – *дракон*, гладкокожих – мудрейший из людей. В Китае и Корее с древности особо почитались следующие животные: *дракон, феникс, цилинь-единорог, тигр и черепаха*. *Дракона, феникса, цилинья-единорога* называли «тремя благодатными мифическими животными» (см. Малявин 2000, 337; 340). Среди реальных животных, которых китайцы и корейцы наделяли магическими свойствами, на первом месте стоит *тигр* – царь зверей, обитающих на суше. Среди птиц особое место занимают *сорока и журавль*.

Различные природные явления связывались с действием духов или каких-либо таинственных сил. По древним дальневосточным представлениям, порывистый ветер создавали незримые крылья мифической *птицы феникса*; ураганы и смерчи – это полет или борьба *драконов*; гроза – схватка *белого и черного драконов*, которые, нанося друг другу удары, проливают на землю обильный дождь и т. п. Также полагали, что *зеленый дракон* – символ весны и Востока, хозяин водной стихии – насылает тучи и дождь, *феникс* – лета и Юга, *тигр* – осени и Запада, повелевает ветрами, *черепаха* – зимы и Севера (см. Сидихменов 2000, 16; 36; «Цветы сливы...» Т. 1 1998, 360).

В данной статье мы остановимся лишь на тех представителях животного мира, которые в Корее и Китае относят к «священным». Это *дракон, феникс, цилинь-единорог, тигр, черепаха, журавль и сорока*.

Дракон

Признанный царь дальневосточного бестиария – это *дракон*, самый известный символ могущества и власти. *Драконы* (их было несколько, отличались по виду и функциям) в основном являлись божествами-

подателями дождя. *Дракон* до сих пор считается символом сверхъестественных сил, не ограниченных моральными принципами (Сон Хён 1994, 93; Тресиддер 2001, 86; Jober 1962, 468). Однако мифологическая нагрузка, которую несет *дракон* в русских народных сказках и былинах заметно отличается от дальневосточной традиции: *дракон* – отрицательный персонаж, многоголовое чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, с которым сражается положительный герой (ср. *Змей Горыныч*). В Корее и Китае считали, что *дракон* зимует в водоемах, а весной взлетает в облака. В дальневосточной традиции *дракон* воплощает в себе единство мира в его переменах и творческую силу метаморфоз (см. Малявин 1995, 135).

Изображение *дракона* в Китае и Корее можно увидеть повсюду, в храмах, во дворцах, на мемориальных обелисках, на древних сооружениях, а в прошлом и на стенах крестьянских домов (в виде картинки или вырезки из бумаги) (см. Сидихменов 2000, 37).

Облик *дракона* был величественным, суровым и воинственным. Его изображали в самых причудливых формах: он имеет, по преданию, тело змеи, брюхо лягушки, рога оленя, глаза зайца, уши коровы, золотую чешую карпа, волосатый хвост и лапы тигра с четырьмя или пятью орлиными когтями. У *дракона* есть усы и борода, в которой скрыта «волшебная жемчужина» – символ солнечного сияния. Согласно некоторым поверьям, 117 *драконьих чешуек* обладают благой силой, а 36 способны причинить вред. *Дракон* любит драгоценные камни и не любит железо. Свойство *дракона*, согласно традиционной формуле, – «то сжиматься, то вытягиваться, то скрываться, то появляться и не иметь постоянного обличья» (Малявин 2000, 339; 1995, 135).

Дракон – символ императорской власти:

«Возвращался *Дракон*-государь» («Классическая поэзия...» 1980, 309).

Проводилась аналогия между *драконом*, поднимающимся с земли до небес, и государем, сыном Неба, стоящим выше всех людей. Люди верили во всемогущество *дракона*, и этим суеверием пользовались правители Китая и Кореи. Стремясь вселить в подданных трепет и суеверный страх, они стали приписывать себе качества этого мифического чудовища. Об императоре говорили так: его лицо – *лицо дракона*, его глаза – *глаза дракона*, его руки – *руки дракона*, его халат – *халат дракона*, его дети – *потомство дракона*, дворец императора – *дворец дракона*, его трон – *сиденье дракона*. На протяжении веков эмблемой императорской власти служило изображение *двух драконов* – возносящегося и низвергающегося, – которые борются за «огненную жемчужину» (Сидихменов 2000, 246).

Драконий лик – одно из метафорических наименований государя, употребляемое только по отношению к царственной особе:

«Государыня на мгновение взглянула на его *драконий лик* и увидела, что обликом халлим отличается от <всех, кого она> видела раньше» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 102); «*Драконий лик* императрицы был суров...» (Семанов 2000, 122); «У него вид могущественный, *лицо дракона*, грозные брови, большой нос. Разве не обладал он внешностью правителя государства?» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 44); «Он смотрел вдаль, его небесный лик был прекрасен, длинная *драконовая борода* великолепна и весь облик – необыкновенно мужественен» (Сон Хён 1994, 49).

Еще одно метафорическое название императора (вана) – «*дитя дракона и феникса*»:

«Ван, словно *дитя дракона и феникса* – на нем печать солнца» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 44).

Сыновей высокопоставленных сановников отождествляли с *драконами и тиграми*:

«Шестеро сыновей...министра наружностью и характером удались в родителей; сыновья напоминали *драконов и тигров*...» (Ким Ман Чжун 1962, 345).

Дракон и *тигр* символизировали неординарность, избранность. Даже дыхание избранного судьбой человека отождествлялось с дыханием таких священных животных, как *дракон* и *тигр*:

«Я увидел, что дыхание, исходящее из левой ноздри вашего, господин, носа подобно *дыханию дракона*, а из правой ноздри – подобно *дыханию тигра*. *Дыхание дракона* соединилось с *дыханием тигра* – быть вам этой осенью князем!» («Нефритовая роса» 2000, 17).

В дальневосточном стереотипном мышлении *дракон* символизировал лучшие человеческие добродетели: одаренность, решительность, храбрость, мужественность:

«...обручилась с женихом, храбрым и талантливый, подобным *дракону*»; «У вас норы летящего *дракона*...» (Ким Ман Чжун 1962, 113; 134); «Благородством осанки и мужественным обликом он напоминал *морского Дракона*, повелителя ветров и дождей» («Сон...» 1982, 42).

Внешность и быстрота реакции воина также соотносились с *драконом*:

«Быстротой и обликом напоминал богатырь *дракона*, рассекающего волны бурного моря...» («Сон...» 1982, 294).

Драконовым и тигровым войском в древности называли королевские войска:

«Подданные короля были опорой страны, а храбрые воины – «*драконово и тигрово войско*» – ее верной защитой» («Верная Чхун Хян» 1960, 33).

Достижение величия, а также славы в дальневосточной ментальности связывалось с *драконом*:

«Недостойный сын мой хоть и молод годами и легкомысленен, однако в ученье преуспел. К тому же и собой хорош. Надеюсь, придет день и он, как дракон, победоносно подымет голову» («История цветов» 1991, 264).

Поклонение дракону выражалось в дальневосточных странах и в том, что в честь дракона строили храмы:

«Государь внял его совету и велел построить невдалеке храм, посвященный дракону» («Корейские предания и легенды...» 1980, 105).

На одежде, утвари, мебели – всюду можно было увидеть изображение дракона. Дракона рисовали на потолках, стенах, ширмах, предметах прикладного искусства и т. д. Зачастую изображались симметричные пары драконов, из которой дракон на левой, восточной стороне композиции возносился вверх, а его визави на западе низвергался вниз. Этот рисунок наглядно представлял природный цикл жизни и его аналог в политике – смену мудрых правителей (см. Малявин 1995, 135).

«...человек...сбросил с плеч узорчатый халат с горами, драконами и водяными растениями и переоделся в некрашеное тонкое платье» («Книга прозрений» 1997, 387); «По стенам было расставлено множество вещей: шкафчики, расписанные фениксами и драконами, комод с ящичками» («Верная Чхун Хян» 1990, 40); «...полочки для гребней с изображением пары драконов» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 143).

Дракон может указывать на форму: в виде дракона изготавливались различные бытовые предметы:

«Он разгладил бумагу, обдумал сочинение, а потом растер тушь в тушечнице, сделанной в виде дракона...» («Верная Чхун Хян» 1990, 91); «...метелки из перьев фазана с ручкой в форме драконовой головы...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 143); «Ночью, в третью стражу, при свете свечи, которая была сделана в виде пары драконов, маршал спокойно сидел, опираясь на подушку» («Записки...» 1985, 214).

Военным кораблям придавали форму дракона:

«Причудливо изогнутые и разрисованные носы изображали морду и открытую пасть дракона или демона, готовых пожрать врага, почему судна назывались «лодки-драконы» (Паукер 1904, 92).

Наряду с фениксом дракон выступает как «гастрономический» образ. Печень дракона, как и мозг феникса, входили в число восьми изысканных яств, которые подавались к столу корейского вана (см. об этом «Сон...» 1982, 312, 736; «Верная Чхун Хян» 1975, 818):

«...на столиках появляются кушанья из мяса дракона и феникса...» («Сон...» 1982, 28); «Блюда приготовили самые изысканные: ласточкины гнезда, акульи плавники. Чего только здесь не было! Разве что драконовой печени и мозгов феникса» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 128).

Дракон в корейской и китайской литературе – цветовой образ: за ним закреплены желтый, зеленый, красный, белый, синий и черный цвета:

«Жена с маленькой дочерью вошли в колодец, оборотились *желтыми драконами*, затем поднялись на пятицветном облаке и исчезли» («Корейские предание и легенды» 1980, 69); «Причудливо извиваясь, словно длинное туловище *синего дракона*, письма на бумагах гласили...» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 505); «Гиль Дон между тем сотворил заклинание, и тотчас разом явились пять духов. С востока – *зеленый дракон*, с юга – *красный*, с запада – *белый*, с севера – *черный*» (Хо Гюн 1960, 174).

Дракон выступает как знак зодиака:

«Тонман вступила на престол на шестом году правления под девизом Чжэн-гуань-Чистого созерцания, в год *«дракона»*, и правила шестнадцать лет» («Корейские предания и легенды...» 1980, 144); «А в день *дракона*, в час куры, понесут тебя в паланкине» («Корейские повести» 1954, 154).

Драконы часто встречаются в корейских и китайских названиях, например, орнамента на шелковых тканях: «*драконы, резвящиеся среди цветов*», «*драконы и фениксы*», «*дремлющий дракон*»; блюда: «*борьба дракона с тигром*», которое готовилось из ядовитых змей трех видов, дикой кошки и множества пряностей; сложных женских причесок – «*дракон, резвящийся в облаках*», «*дракон, играющий жемчужиной*», «*дракон, встающий из моря*»; крыши китайского дома, крытой зеленой черепицей, – «*чешуя дракона*» и т. д. (см. Малявин 2000, 494; 529; 545; 576; 1997, 318; 1995, 213; «Повесть о Хынбу» 1960, 442).

Предметом восхищения и почитания была даже *слюна дракона*. Ее именем назывались ароматические вещества, использовавшиеся в домашних курительницах, а также тушь, которую использовали для написания иероглифов.

«*Драконовой слюной*» в Китае называли серую амбру, получаемую из Аравии и считавшуюся самым лучшим благовонием («Цветы слывы...» Т. 2 1998, 408).

«Девочка-служанка подлила в курительницу благоуханное масло под названием «*слюна дракона*» и зажгла фитиль...» (Би Сяошэн 1992, 126).

Тушь «*слюна дракона*» получила свое название благодаря существовавшей в Китае легенде: во дворце правителя Ся поселились два *дракона*. Чтобы избавиться от них, он попросил у них слюну. Они тотчас же исчезли, оставив слюну, которая растеклась по дворцу; отсюда и пошло название туши (см. «Роза и Алый Лотос» 1974, 408-409).

«Юноша обрадовался, разгладил бумагу, растер тушь «*слюна дракона*», обмакнул в нее кисточку из шерсти ласки и одним махом написал...» («Роза и Алый Лотос» 1974, 408-409).

Дракон отмечен в образном сравнении: с *драконом* соотнесена красавица:

«Такая женщина...как сладкое пение лютни, способное растрогать даже бездушное железо; как полет *дракона*, пронзающего облака» (Маянин 1997, 350).

Драконы встречаются и в других сравнительных конструкциях:

«Эта гора похожа на свернувшегося в клубок *Дракона* или на крыло *Феникса*» («Сон...» 1982, 31); «...изогнутые сосны на утесах клонятся под порывами ветра, будто старый *дракон* выгибает спину» («Верная Чхун Хян» 1990, 32); «Птицы на деревьях там славят добрые дела, а в изогнутых соснах на скалах дует свежий ветерок, будто спит старый *дракон*» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

Искусство написания иероглифов сопоставляется с *драконом*, змеей и гусями:

«Когда Ян писал, один иероглиф соединился с другим, и казалось, будто змея или *дракон* переползает со строки на строку» («Сон...» 1982, 707); «Он ...написал сочинение, как говорится, одним взмахом кисти и подал его первым. Экзаменаторы взглянули – и каждый иероглиф отметили красной точкой, а каждый стих кружочком. Прямо, как говорится, *дракон* взлетел в небеса, гуси уселись на ровный песок!» («Верная Чхун Хян» 1990, 91).

С *драконами* связано множество легенд, поверий, волшебных историй и суеверий. Упоминания о некоторых можно встретить в художественной литературе.

По легенде, в древнекитайском царстве Чжэн (в провинции Хэнань) произошло большое наводнение, так как в мутной реке Вэй схватились в битве *драконы*. Народ просил принести им жертву, чтобы их успокоить, но министр чжэнского правителя Чжэн-гуна отверг их просьбу, сказав: «Когда мы сражаемся, *драконы* не обращают на нас внимания, так зачем же нам обращать внимание на *драконов*» («Корейские предания и легенды...» 1980, 252-253):

«Гао-цзун достиг процветания благодаря фазаньему крику, а Чжэн-гун возвысился несмотря на битву *драконов*» («Корейские предания и легенды» 1980, 82).

Согласно другому корейскому преданию, в Алмазных горах в озере *Девяти драконов*, живет *царь драконов*, у которого есть волшебная жемчужина, добытая им в брюхе огромной рыбы и исполняющая все желания своего владельца (см. «Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 816). Это тоже нашло отражение в литературе:

«Юноша, сидящий перед Чхун Хян, был очень хорош собою...выхватил большой меч и исполнил танец – ну точь-в-точь, старый *дракон* из озера *Девяти драконов*, который, пробудившись от сна, игра-

ет с драгоценной жемчужиной, исполняющей любые желания» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 336); «Если в столице Цин заслужит любовь Сына Неба и поддержку сослуживцев, то он, как говорится, получит *драконову жемчужину*, уподобится тигру, оседлавшему ветер, и с ним будет не сладить» («Записки...» 1985, 155).

Существовала древняя легенда о Ён-гуне, который очень любил *драконов* и даже нарисовал у себя в доме большое изображение *дракона*, а когда к нему прилетел *дракон*, очень испугался:

«И пусть она так любит изображение «*дракона* на картине», что *дракон* спустится к ней» (Малявин 1997, 350).

С *драконом* связаны разного рода поверья. Так, например, встреча с *зеленым драконом* сулила счастье, так как этот *дракон* – символ весеннего возрождения в природе, недаром он зеленый – цвета молодой травы (см. об этом «Цветы сливы...» Т. 1 1998, 374); «Если увидишь летящего *дракона*, тебя ждет встреча с великим мужем» (Ким Си Сып 1972, 104).

«Случается, что во время плавания вдруг вдали появляются нагромождение гор, покрытые высохшими деревьями. Если, по мнению капитана, раньше тут никаких гор не было, то это – *дракон*. Нужно отрезать <прядь> волос и сжечь вместе с рыбьей чешуей и костями. Тогда горы начинают медленно исчезать под водой. Но опасность очень велика, и немногим повезло от нее уберечься» («Нефритовая роса» 2000, 75).

В старину считалось, что увидеть во сне *дракона* предвещало радостное событие. Это нашло отражение в художественной литературе:

«Прошлой ночью привиделось мне, будто зеленый *дракон* вдруг появился в озере... Наверно, будет какая-нибудь радость, подумала я» («Верная Чхун Хян 1990, 30); «В испуге очнулся Хон Мо... Он с радостью подумал: «Увидел во сне *дракона*, значит, жди дорогого сына! – и поспешил к супруге на женскую половину» («Роза и Альый Лотос» 1974, 7).

В старой Корее после переезда в новый дом, перемены квартиры, свадьбы – обычно в виде приветствия спрашивали: «Видели ли вы во сне *дракона*? – на что следовало ответить: «Видели». Эти выражения сделались просто приветствиями – вне зависимости от того, видели ли тут *дракона* или нет (см. об этом Конрад 1996, 83).

С *драконом* образован ряд речений фразеологического характера (далее РФХ). РФХ *улететь на драконе* означает ‘умереть’. Обычно так оповещали о кончине императора:

«Мы с ним расстались на горе Цзиньхуа, он скончался, как говорится, *улетел на драконе*» («Верная Чхун Хян» 1990, 87); «Когда государь *улетел на драконе*, злая Люй-Хоу повелела отрубить мне руки» («Верная Чхун Хян» 1960, 104).

РФХ *оседлать дракона* или *взлетел дракон* имеют значение ‘кому-л очень повезло’:

«Проводив жениха, наместник вошел на женскую половину и весь сияя от радости, сообщил дочери: – Ну, Гён Пхэ, сегодня ты *оседлала дракона!* Какая удача!» (Ким Ман Чжун 1962, 113); «В год гэн-чэнь, как говорится, *взлетел дракон*, и Дань наконец был назначен командиром укрепленного лагеря...» («Нефритовая роса» 2000, 59).

РФХ *достичь врат дракона* означает ‘успешно сдать государственные экзамены и получить высокий чин’:

«Принадлежал он <Ли> к знатнейшему роду, в веках прославленному своими выдающимися деятелями, и сам уже с ранних лет достиг *Врат дракона*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 491).

В основе этого речения лежит народное преданье. Морские и речные рыбы собираются у *Драконовых ворот* на реке Хуанхэ, где находятся самые высокие пороги, и пытаются перепрыгнуть через пороги; те, которым это удается, превращаются в *драконов*, а неудачники разбиваются (см. об этом Сказание о госпоже Пак» 1960, 637; «Повести страны зеленых гор» 1966, 328; «Когёа» 1999, 105-106).

Дракон отмечен в пословицах:

«Правильно говорят: *дракон рождает дракона, а феникс феникса*» («Корейские повести» 1954, 86); «*Гуча повинуется дракону, а ветер – тигру*» («Верная Чхун Хян» 1990, 297).

Феникс

Самой красивой и самой почитаемой среди пернатого племени была причудливая мифическая птица *феникс*. Эта мифическая птица сочетает в своем облике черты разных животных: у нее горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, головка утки, расцветка дракона, спина черепахи. Перья у *феникса* перья у него великолепны и замечательно красиво завиты, пяти цветов – желтые, белые, красные, синие, черные. Они символизируют пять добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание обрядов, верность (см. Сидихменов 2000, 45; Поджио 1892, 275).

Волшебная птица *феникс* добра и милосердна: она не клюет насекомых, пищей для нее служат семена бамбука, а жажду она утоляет только из чистого родника. Происхождение птицы *феникс* связывают с солнцем и огнем, поэтому она символизирует тепло, неотделимое от лета и хорошего урожая. В китайской космологии ей присвоено имя «красной» птицы, олицетворяющей юг («Когёа» 1999, 349-350; Малявин 2000, 340; Jober 1962, 1265).

Присутствие *феникса* считалось символом мира, признаком процветания страны и благоденствия народа, хорошего правления, ибо в золотой век древности «*фениксы* кормились близ городских стен» (Ду Фу 2000, 495).

Согласно легенде, *фениксы* обитали на горах Даньшань, которые находятся в Центральном Китае. По преданию, *на фениксах* и луанях летали небожители (см. об этом «Сон...» 1982, 737):

«...спутниц богини Запада несли на себе луани и *фениксы*» («Сон...» 1982, 373).

Однако в художественной литературе встречается информация о том, что в древности *феникса* не почитали как священную птицу, не видели в нем ничего примечательного, а только заурядное создание: «...недаром иероглиф «*феникс*» состоит из знаков «Заурядный» и «Птица» (см. об этом Лим Чже 1964, 160).

Сведения о жизни, местах постоянного обитания и повадках *феникса* и т. п. содержатся в художественной литературе:

«Говорят, *фениксы* не едят ничего, кроме плодов бамбука, – ответила Хун, – а гнезда вьют только на павлонии» («Сон...» 1982, 72); «Ветви павлонии...прячут гнездо//*фениксов*-птиц, прилетевших в наш край» (Ду Фу 2000, 487); «*Феникс*, не клюющий проса...» («Приключения зайца» 1990, 356); «*Феникс* во время дальнего полета не клюет чумизы» («Верная Чхун Хян» 1960, 136).

Повадки *феникса* были предметом подражания для людей:

«Хун подражала *фениксу*, лакомящемуся побегами бамбука: делала шаг вперед, потом назад» («Сон...» 1982, 451).

Волшебная птица *феникс* – эмблема императрицы (Малявин 2000, 340). Император или сверхчеловек отождествлялся не только с *драконом*, *цилинем*, но и с *фениксом*:

«Сам государь воплощает силу и мужество: крупный нос, высокое чело, лик *дракона*, осанка *феникса*!» («Сон...» 1982, 468); «Обликом он незауряден, как *дитя цилиндра* и *феникса*» («Записки...» 1985, 153).

Сыном феникса называли наследника престола:

«Ныне коль *феникса сын* вас призовет в свой чертог, // Повсюду великое умиротворение воцарится вмиг» («Нефритовая роса» 2000, 107).

Феникс и его самка – самые любимые в Корее и Китае символы супружеского счастья, верности и преданности, а также «символ неразрывной дружбы» (Паукер 1904, 42). Это нашло отражение в корейской и китайской художественной литературе:

«Надо было выбрать тебе такую пару, чтобы, как у *фениксов*, талантом, положением, характером – всем были бы вы с ним равны»; «И пусть их брак будет счастливым, как у священных птиц-*фениксов*» («Верная Чхун Хян» 1990, 59; 304).

С лексемой *феникс* образованы метафорические выражения. Так, «*покоями феникса*» называли женские покои (см. об этом «Повести страны зеленых гор» 1966, 335).

Одинокий *феникс* – метафорическое обозначение холостого мужчины:

«Вмиг с подругой соединит одинокого *феникса*, холостого – с девицей, при первой встрече» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 48).

Женские головные украшения, брачные шапки в Китае, изображали *летающего феникса*. Сначала так было принято для цариц и дворцовых дам, а потом мода распространилась и на весь женский Китай. «*Фениксова прическа*» не только формой своей, но и шпильками, заколками и т. д. напоминала *голову феникса* (см. Пу Сун-лин 1999, 350).

«Так ладно, – сказала она и при этом подтянула ей «*фениксову прическу*», которая стала теперь блестеть так, что могла, как зеркало отражать фигуры» (Пу Сун-лин 1999, 135).

Форма головы, хвоста, клюва *феникса* считались эталонными. В форме *головы, хвоста и клюва феникса* изготавливались различные предметы быта и одежды:

«Она вынула из волос золотую шпильку с головой птицы *Феникс* и протянула посылному» («Сон...» 1982, 48); «В руках она держала веер в виде хвоста птицы *феникса*» (Ким Ман Чжун 1962, 122); «...из-под юбки виднелись узорчатые гетры и остроносые, похожие на клюв *феникса*, пурпурные туфельки» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 204).

Феникс – цветовой образ:

«...казалось, разноцветные *фениксы*, самец и самка, перекликаются в горах Даньшань» («Сон...» 1982, 587); «На высоких-высоких вершинах парами гуляли... пурпурные *фениксы*» («Повесть о Чёк Сёнье» 1996, 25); «А как чудесно ступать по синеве небосвода и впрягать в колесницу белого *феникса*...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 284).

Феникс – звуковой образ:

«А какова мелодия? Представляется, словно *Фениксы*, самец и самка, поют на рассвете песню любви, и чистые их голоса летят выше облаков, и тот, кто слышит эту песню, пробуждается от сна, и другие птицы кажутся ему безголосыми» («Сон...» 1982, 387); «...звон их яшмовых украшений напоминал песни *фениксов* и луаней» («Записки...» 1985, 150).

Пару танцующих *фениксов* можно было увидеть на парадном одеянии минских государей, на карнизах императорских дворцов и даосских храмов, ибо эти волшебные птицы, по преданию, слетались туда, где осуществлялся всеобщий Ритуал бытия (см. об этом Малявин 1995, 135-137).

Наряду с драконами *фениксы* также *украшали* ковры, драпировки и стяги:

«Теплая лежанка застелена коврами, сплошь затканными драконами и *фениксами*» («История цветов» 1991, 483).; «...в углу ширма с шелковыми драпировками, а на них изображены шитьем *фениксы*» («Сон...»

1982, 587); «Всюду на пути королевы реяли стяги с драконами и *фениксами...*» («Записки...» 1985, 65).

Даже священная птица *феникс* в художественной литературе выступает как «гастрономический» образ:

«Во дворце богини их угощали необычными блюдами, изготовленными из медвежьей лапы, обезьяньей печени, *костного мозга птицы феникс*» (Сидихменов 2000, 163); «Служанка принесла редчайшие яства: осетрину, с душистым сельдереем, вяленое *мясо феникса...*» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 149).

Феникс входит в состав имен:

«Обрадованный халлим назвал его Пон А — «*Птенец Феникса*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 352); «То «*Порхающий Феникс*» — Пибон» («Корейские повести» 1954, 118).

Феникс отмечен в разного рода названиях, в том числе и географических:

«А разве не могла девушка разучить песню Сыма Сян-жу «*Феникс ищет свою подругу?*» — спросила она»; «Сын Неба, восседая спокойно во дворце «*Явление феникса*», велел внуху позвать Ян Со Ю» (Ким Ман Чжун 1961, 107; 170); «...водопады Мубон и Пибон (*Танцующий и Летящий фениксы*) в ущелье Онню были похожи на потоки изящного шелка» («Предания гор Кымгынсан» 1990, 34).

С давних пор *феникс* — излюбленный восточный символ женской и мужской красоты и совершенства. С *фениксом* отождествляются совершенные мужчина и женщина:

«Он здесь, словно *феникс* с горы Даньшань среди кур! — подумала Хун. — Многих я видела в зеленом тереме, но такого красавца не довелось мне встречать» («Сон...» 1982, 42); «Если спереди на него взглянуть — будто солнце красное по небу катится, а сзади посмотреть — словно дракон или *феникс*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 525); «Она была создана небом, среди женщин — совершенство, как *феникс* среди птиц или пион среди цветов!» («Роза и Алый Лотос» 1974, 249); «...подобно порхающему *фениксу*, она затмила красавиц всех предыдущих поколений» (Ким Ман Чжун 1961, 84).

Глаза красавца уподобляются глазам *птицы-феникса*:

«Увидев, что юноша с яшмовым лицом и *фениксовыми глазами* равнодушен к красоте гор и рек, он удивился...» («Ссяньчхон кыйбон» 1962, 28); «...его яшмовое лицо и *глаза феникса*, приподнятые к вискам, чуть-чуть захмелели от пожалованной королем чарки вина» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 511).

Руки красавца — *крылья феникса*:

«...руки его, словно *крылья феникса...*» («Ссяньчхон кыйбон» 1962, 26).

В фениксе все совершенно, даже его жир. С жиром феникса соотнесены женские груди:

«Благоуханные от пота и пудры, // колышутся над цитрой небрежно. // Теплые, белые и, как феникса жир, нежные» (Би Сяошэн 1992, 11).

Полагали, что у феникса чудный голос. Чистые, красивые мужские и женские голоса уподобляются пению феникса:

«Фениксовый голос его звенел, как яшма» («Ссяньчхон кыйбон» 1962, 28); «Ее голос был так нежен, что Сяньфэну показалось, будто с ним разговаривает феникс, а не женщина» (Семанов 2000, 48); «Голос был печален и нежен — ... словно одинокий Феникс с Даньшаньских гор призывал подругу» («Сон...» 1982, 59).

Феникса принято было изображать на всех музыкальных инструментах. Звучание музыкальных инструментов также сравнивается с пением фениксов:

«Флейты пели, словно фениксы» («Корейские повести» 1954, 171).

Феникс отмечен в крылатом выражении:

«На перьях феникса спорят тысячи красок весной. Весной не найдешь одинаковых в мире вещей. Эти фразы сочинил Мунме» (Сон Хён 1994, 48).

Наряду с драконом феникс отмечен в составе пословиц:

«Существовали жесткие правила занятия должностей, деление на высших и низших было очень строгим. *Требовалось, как говорилось, чтобы рыба сначала превратилась в дракона, курица стала фениксом*» (Сон Хён 1994, 41); «Где сиротливо и бедно, там феникс не садится» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 95); «Как говорится, *появился феникс, нашлась и подружка, появился герой — нашелся конь-дракон*» («Верная Чхун Хян» 1990, 43).

Цилинь (единорог)

По китайской и корейской мифологии восточный *единорог-цилин* (кор. *кирин*) — животное, которое не ест ничего живого, только засохшую траву, не топчет трав, отличается кротким нравом. Считают, что *цилин* показывается людям как предвестник рождения мудреца или появления на престоле совершенномудрого государя. Если этого зверя не видно, то нельзя рассчитывать на появление в мире мудрого человека (см. «Сказание о госпоже Пак» 1960, 673). *Цилинь* служит эмблемой мира, радости и веселья, а также доброты, прямоты и честности. Полагали, что *цилин* живет до тысячи лет (см. об этом Гриффис 1884, 48-49; Поджио 1892, 274; Jobert 1962, 1625).

Внешний вид *цилия* описывается так: «*Цилинь* — мифическое животное, покрытое чешуей, с телом оленя, ногами лошади и хвостом коровы, бурого цвета, с шишкой или рогом на голове» (Ким Си Сып

1972, 165; «Верная Чхун Хян» 1990, 381; «Корейские предания и легенды...» 1980, 252). Голос *единорога* напоминал «колокольный звон» (см. Малявин 2000, 340).

Вера в миф о наступлении всеобщего счастья и процветании при появлении этого мифического животного нашла отражение в художественной литературе:

«Он разослал во все концы страны гонцов собирать сведения о всеобщем счастье. Местные власти выдумывали во всю: одни говорили, что видели пляшущих фениксов, другие утверждали, что объявился *Единорог*, третьи клялись, что стала прозрачной Желтая река» («Сон...» 1982, 379).

В художественной литературе встречается информация о жизни, поведенческих и местах обитания этого мифического животного:

«Живут *Единороги* не стадами, а поодиночке, в захолустных уголках, избегая шумных поселений» («История Цветов» 1991, 354); «*Цилинь*, травы не мнущий...» («Приключения зайца» 1990, 356).

Цилинь символизировал прославленное потомство. Необыкновенно умных, незаурядных детей называли «сыновьями *цилия*».

«Мальчик оказался смышленным, как отец, и красивым, как мать, — истинно *дитя Единорога и Феникса!*» («Сон...» 1982, 592).

Цилинь входит в состав имен:

«Халлим обрадовался и назвал его Лин Я, что значит «*Дитя-цилия*» (Ким Си Сып 1972, 341).

Изображение *цилия* ставилось на кладбищах знатных людей:

«Взгляни, как птицы // До седой зимы // На кладбище // Гнезятся без тревоги, // Где, сторожа // Могильные холмы, // Гранитные // Лежат *единороги*» (Ду Фу 2000, 70; 352).

Цилинь выступает как «гастронимический» образ:

«Вяленый *единорог* лежит на блюдах из белого нефрита...» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 57; Т. 1, 319); «...коралловые кубки с нектаром и лotosовым настоем, чтобы запивать сушеное *мясо единорога*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226).

Цилинь — узор на одежде:

«Юэ-нян надела расшитый *цилиями* пурпурный атласный халат с широкими рукавами» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 55).

Много легенд и поверий связано с *цилинем*.

По одной легенде, пленение *цилия* произошло в 481 году до н.э. Этим кончается летопись царства Лу, названная «Чуньцю» («Весны и Осени») и приписываемая Конфуцию. Однако царство Лу было захвачено царством Чу только в 256 г. до н.э., поэтому многие связывают появление *цилия* со смертью Конфуция, которая последовала через два года после этого. Конфуций сетовал, явление чудесного зверя было

напрасным: у него уже не оставалось никакой надежды на воскрешение нравов древности (см. «Корейские предания и легенды...» 1980, 252; Малявин 2000, 341). Упоминания об этой легенде встречаются в художественной литературе:

«Счастье и несчастье переменчивы. Они зависят от самих людей. Поэтому иньский Чжоу погиб из-за Красной птицы, а царство Лу пало, хотя и был пойман *единорог-цилин*» («Корейские предания и легенды...» 1980, 82).

Другая легенда гласит, что «при императоре Хуэй-цзуне, в годы Дагуань, у одного крестьянина корова отелилась *цилинем*. Деревенские жители не поняли, <что это *цилин*>, сочли его вредным и забили палками. Власти же, узнав об этом происшествии, провели расследование, и оказалось – действительно благовестное существо! Донесли владыке. И тогда во все провинции были разосланы рисунки, изображающие *цилиня*, чтобы крестьяне знали, как он выглядит. Тому же, у кого появится *цилин*, была обещана щедрая награда» («Нефритовая роса» 2000, 93-94).

Согласно еще одной легенде, именно *единорог* принес на своей спине прародителю цивилизации Фу Си знаки, от которых произошли письмены.

Существовало поверье, что, если снился *цилин*, то это к счастливой беременности. На Дальнем Востоке *цилин* считался существом, приносящим сыновей (см. «Цветы сливы...» Т. 2 1998, 408). Это нашло отражение в литературе:

«Весной в двадцать пятый год Изя-цзин Хэ Юю приснилось, будто его обнимает яшмовый *цилин*. С этого времени супруга Чэн забеременела и через десять месяцев родила мальчика» («Записки...» 1985, 105).

Цилинь часто встречается в образных сравнениях. Так как в корейской и китайской мифологии *цилин* отличается кротким нравом, кроткая девушка, а также дети уподобляются *цилиню*:

«В преданности родителям не было равных Чхунхян, а кротостью нрава она могла сравниться лишь с *цилинем*, и не было в округе человека, который не хвалил бы ее дочернее послушание» («Верная Чхун Хян» 1990, 21); «Росли они <дети>, как яшмовые деревца и были под стать *цилиням*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 545).

В дальневосточном стереотипном мышлении *цилин* отождествлялся с незаурядностью, изысканностью:

«Людей далекой окраины, в глаза не видавших столичной роскоши, ошеломило великолепие посланника. Он казался им *единорогом* на земле, фениксом в облаках» (Ким Ман Чжун 1961, 154).

Единорог встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Словно *единорог* // Спрятал след свой в пещерную тень, // А в полях // наконечники стрел Сушэнь...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 289).

Феникс и *цилин-единорог* зафиксированы нами в пословице:

«Феникс и *единорог* даже для младенца добрый знак, не уступала Ён Са» (Ким Ман Чжун 1962, 89).

Тигр

В дальневосточной ментальности, *тигр* почитался как царь зверей и хозяин леса («Корейские предания и легенды...» 1980, 131). У *тигра* его царственное достоинство, как верили китайцы и корейцы, в буквальном смысле написаны на лбу, где полосы на шкуре складываются в знак *ван* – «государь» (см. Малявин 2000, 341). В Корее *тигр* воспринимали как божество, историческим свидетельством этого являются различные названия *тигра*: «горное божество», «горный господин», горный государь», «горный дух», «горный герой» (см. Конрад 1996, 106).

Тигр символизировал силу, властолюбие, суровость, могущество, отвагу и свирепость (см. Гриффис 1884, 48; Паукер 1904, 42; Сидихменов 2000, 44).

В Китае и Корее *тигр* имел славу пожирателя демонов, *когти тигра* носили в качестве оберега. В Древней Корее с обруча королевских корон, сделанных из золота и нефрита, на тонких крученых золотых проволоках, свисали пятьдесят восемь *тигриных когтей* из нефрита и множество золотых блесков, подобных потоку солнечных лучей. Когда правитель, воплощавший для подданных все формы природной энергии и, в первую очередь, солнечную, поворачивал голову, блески переливались, а подвески из нефрита – издавали вибрирующий звук, производящий неизгладимое впечатление на окружающих (см. «Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 336-337).

Люди, преследуемые демонами, пили *отвар из тигровой шкуры*. Чтобы *тигр* наводил ужас на злых духов, голову этого хищника рисовали на стенах жилых домов и монастырей и вышивали на одежде и обуви детей (см. Малявин 2000, 532; Тресиддер 2001, 369). Защитная сила *тигра* прослеживается и в древней традиции надевать на детей *тигровые шапки*. В старые времена, когда женщина отправлялась в дальнюю дорогу, то она пришивала к юбке кусок *тигриной шкуры*. Считалось, что в таком случае дух *тигра* обеспечит ей безопасность (см. Тресиддер 2001, 369; «Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 336-337). Часть этих традиций нашла отражение в художественной литературе:

«Та как раз шила малышу к празднику... амулеты, плела из полыни *тигрят*, чтобы отвадить злых духов...» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 105).

Тигр считался заклятым врагом змей и крыс. Китайцы верили, что *тигр* обладает недюженным умом, и прожив на свете пятьсот лет, становится совсем белым – как седой старик. Вход в монастыри, правительственные здания, богатые магазины, жилые дома феодалов украшали и оберегали каменные изваяния *тигра* (см. Малявин 2000, 341; Сидихменов 2000, 44).

Тигр символизировал военную доблесть. Особые знаки с изображением *тигра*, так называемые *тигровые знаки* вручались в Китае полководцам:

«Он был защитником отчизны... // *Тигровый знак* носил с собою» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 393; 425).

Воины рисовали голову *тигра* на щитах; ее гравировали на деревянных дверях военных укреплений для устрашения неприятеля. В древние времена, стремясь вселить страх в стан противника, китайские воины в *тигровых шкурах* шли на врага с дикими криками, напоминавшими рев настоящего *тигра*.

По древним дальневосточным представлениям, *тигр* повелевает ветрами, а дракон насылает тучи и дождь (см. об этом «Цветы сливы...» Т. 1 1998, 360). Это отмечено нами и в художественной литературе:

«Давно известно, что ветер насылает *тигр*, а тучи – дракон» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 27).

На протяжении многих столетий *тигр* считается в Корее национальным символом. *Тигр* – это постоянный герой корейских сказок, мудрый, могучий, сильный, иногда свирепый, а иногда добрый и наивный. Большинство корейских сказок начинается так: «Это было в те далекие времена, когда *тигр* умел курить, а животные – говорить человеческим голосом» (см. «Сказки народов мира» 1987, 103). *Тигр* упоминается и в одном из самых важных для Кореи письменном источнике – мифе об основателе корейской нации Тангуне (см. «Корейские предания и легенды...» 1980, 37-38).

Много поверий связано с *тигром*. Считалось, что *белый тигр* – предвестник беды, так как он связан с Западом, где лежит страна мертвых (см. об этом «Цветы сливы...» Т. 1 1998, 374).

«Дракон ли зеленый тебя повстречает, // *белый* ли *тигр* – никогда // Люди не скажут, тебя ожидает // радость или беда...» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 287).

Упоминания о повадках этого животного, его поведении в природе в том или ином виде встречаются в художественной литературе:

«Когда хищный орел собирается закогтить птицу, он перестает взмахивать крыльями и парит низко над землей. Когда свирепый *тигр* хочет задрать зверя, он прижимает уши и припадает к земле» («Записки...» 1985, 205); «Тогда *тигр* уперся передними лапами в землю, чтобы

задними нанести удар, но храбрец успел отбежать в сторону. Надо сказать, что обычно *тигр* бьет свою жертву задними лапами или хвостом, а если промахивается – наполовину теряет силы» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 28).

В дальневосточной ментальности стереотипный образ *тигра* многогранен. В Старой Корее *тигра* воспринимали не только как божество, но и как чудесную силу, которая обладает нравственными понятиями, умеет отличать добро от зла, добродетель от порока, обладает силой и желанием карать за порок и награждать за добродетель. *Тигру* доступна жалость: от него можно избавиться усиленными просьбами и вообще поклонением. С помощью чудесной силы *тигра* можно противостоять другим бедствиям: силе других злых духов, болезням и пр. (см. об этом Конрад 1996, 106).

В художественной литературе за *тигром*, с одной стороны, закреплены многие добродетели:

«*Тигр* – великолепен! Он талантлив и остроумен, он всесторонен образован и великодушен, он мудр, он почтителен к родителям, он быстр и ловок, он силен и отважен» («История цветов» 1991, 526); «Разве *тигры* не добрее людей? *Тигры* не едят травы, плодов и листьев, не едят насекомых и рыбу, не любят дурманящего хмельного зелья, не трогают стельных животных. В горах они охотятся на косуль и оленей, а спускаясь в долины, – на коров и лошадей. Для своего пропитания *тигры* не зарятся на чужое добро и не таскаются по судам»; «Ведь не даром говорят, что *тигры* отважны и справедливы. Если даже взять один кусочек полосатой *шкурки тигра*, то разве нельзя гордиться ее красивейшим в мире узором? *Тигры* не пользуются никаким оружием, кроме своих клыков и когтей, но они широко прославились воинским умением. В старину *тигры* изображались на самой различной посуде: так люди ценили их почтительность к родителям. *Тигры* никогда не съедают свою добычу одни, всегда делятся ее остатками с воронами, ястребами и муравьями. Не пересказать словами всей душевной доброты *тигров*, они щадят невинно оклеветанных, не трогают больных и калек, не нападают на тех, кто одет в траур» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 300; 305).

С другой стороны, *тигр* среди тех животных, которые считаются опасными и внушают ужас:

«Среди тварей всех и на земле и в небе, // Что страх внушает, что вселяет ужас? // *Тигр* белолобый, волк или гиена, // Удав, гадюка, скорпион, стоножка...» («Корейская классическая поэзия» 1956, 227); «А там полосатый разноцветный *тигр*–великан крадет, грозно опустив острую бороду из железных нитей. Вот ужас! Рев его подобен грому, башка с горой сравнится, спина, это полумесяц, а шерсть горит огнем. Меч-хвост бьет *тигра* по бокам. Зверь разевает пасть кроваво-красную, грозя

зубами – зубьями бороны. Словно летящая молния, всюду сверкает его тело. Он натывается на все, рыщет по ущельям, на камни налетает с грохотом, и с треском валятся деревья. Он величав и грозен. Настоящий владыка гор! Вдруг вспыхивает его отвага, глаза-факелы мечут молнии, он выпускает когти на передних лапах, острые, как зубы пилы. *Тигр* вздохнет разок поглубже – деревья закачаются, а зарычит погромче – горы так заходят ходуном. Небо темнеет, а душа уходит в пятки» («Повесть о зайце» 1960, 302-303).

В корейском языке существует целый ряд образных сравнений, связанных с *тигром*. Корейцы обращаются к образу *тигра* при характеристике:

1. сильного духом человека: «Облик его был полон достоинства, а могуществом духа он походил на свирепого *тигра* в горах!» («Верная Чхун Хян» 1990, 92);

2. ловкого человека: «Оксвэ, как *тигр*, перепрыгнул на его корабль...» («Предания гор Кымгынсана» 1990, 96);

3. непредсказуемого, хитрого и осторожного человека: «У вас... повадки крадущегося *тигра*» (Ким Ман Чжун 1962, 84);

4. отважного человека: «Вчера ваш дух был смущен диковинными событиями, сегодня же, хвала небу, вы вновь – *тигроподобный богатырь!*» («Повесть о Чон У Чхи» 1960, 267);

5. разъяренного, свирепого человека: ««Разъяренный Начжа метался и прыгал, словно *тигр*» («Сон...» 1982, 175); «Услышав призывы брата о помощи, он подскочил, будто свирепый *тигр*, выпучил свои злые, налитые кровью глазищи и с бранью обрушился на Хынбу...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 120);

6. человека, вызывающего у других людей страх и ужас: «Все трепетали перед ним, как *перед тигром*» («Черепеховый суп» 1970, 73).

Тигр в дальневосточной литературе цветовой образ:

«А там полосатый разноцветный тигр-великан крадется...» («Повесть о зайце» 1960, 302); «Все там вокруг волнисто: кончилась гора Сураксан, пошли небольшие холмы; кончились цепи холмов, следом вздымается гора Чоннамсан... белым *тигром* лежит Манни» («Корейские повести» 1954, 83).

Тигровую шкуру использовали в быту. Корейцы полагали, что разостлать шкуру *тигра* на свадебном паланкине или вообще как подстилку на пороге, скамейке и т. д. – избежишь несчастья (см. об этом Конрад 1996, 105). Правители во время торжественных церемоний также восседали на *шкуре тигра*, которая символизировала их власть и авторитет (см. «Республика Корея. Путеводитель» 2000, 35).

«Наконец появился паланкин Государева советника, открытый без крыши, устланный *тигровой шкурой*» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 218);

«Поставил скамеечку, крытую *тигровой шкурой* и протянул шлею» («Верная Чхун Хян» 1960, 38).

Тигр – знак китайского зодиака:

«В год *«тигра»*, на пятидесятом году царствования китайского правителя Яо, Тангун основал столицу в Пхеньянской крепости (ныне – Согён – Западная столица), а страну свою назвал Чосон» («Корейские предания и легенды...» 1980, 38); «Сон Чхун Хян, рожденная в год мыши, в пятую луну – месяц мыши, в двадцатый день *тигра* и час лошади, живущая в Корее... томится в тюрьме» («Корейские повести» 1954, 154).

В виде *тигра* сделан корейский национальный инструмент О. В конце представления *тигра* три раза ударяют по голове и проводят бамбуковой палочкой по зарубкам («Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 427-428).

С *тигром* связано множество поверий, суеверий и примет, которые подробно описаны Н. И. Конрадом (см. Конрад 1996, 104-106). Приведем некоторые из них, которые, как нам кажется, наиболее ярко отражают наивные представления корейского народа об окружающей их природе. Например, *увидеть во сне тигра* – означает благополучие во всех делах, на том основании, что иероглиф «тигр» и «хорошо» – омонимы; если *тигр* съест тысячу человек, он обращается в буддийского монаха; *тигр* имеет способность видеть сквозь бумажную склейку окон и дверей и узнавать, сколько людей в доме и т. п.

Множество легенд связано с царем зверей. Одна из легенд о сверхъестественной силе белого *тигра* зарегистрирована нами в художественной литературе:

«Только он это выговорил, как с вершины горы налетел ураганный ветер, и на равнину с рыком – словно небо расколосось в грозу – выскочил огромный белый *тигр*! Белый, как снег, с желтыми глазищами, что горели, ровно факелы, с алой, будто в крови, пастью, он пронесся громадными прыжками над равниной скорее молнии... – Уж не тот ли это *тигр*, что глотал железные копы хана Елюя? Великая напасть в наших краях этот зверь! Никому не под силу с ним справиться! На северо-восток от Хэланьшаня стоит мрачная Тьма-гора, а на ней, по преданию, вот уже четыре тысячи лет обретается этот свирепый *тигр*. В свое время хан Елюй, уверовав в свою силу, пошел на страшного зверя, да ничего у него не вышло. Трижды ходил хан, трижды метал железные копы – и трижды *тигр* их заглатывал! А ведь в каждом копые весу было побольше тысячи цзиней! Не сосчитать, сколько охотников и воинов погубил этот зверь! Потому жители северных стран построили на Тьме-горе жертвенник и каждую весну и осень доставляют на алтарь быков и баранов. Если не принести ему жертвы, зверь сходит с горы и поедает

людей, многие тысячи уже убил! Никто не охотится в тех местах с давних пор, все его страшатся!» («Сон...» 1982, 474).

Тигр зафиксирован в образном сравнении. Величественная осанка мужчины соотнесена с грацией *тигра*:

«Манеры у него – вельможи из сказки, осанка – *тигра*» («Корейские повести» 1954, 164).

Тигр отмечен в составе РФХ. РФХ *соблюдать осторожность среди тигров* имеет значение: ‘проявлять необычайную осторожность среди врагов’:

«Только прошу, *соблюдай осторожность среди тигров*, береги себя и с честью выполни приказ императора, – сказал на прощание тесть» (Ким Ман Чжун 1962, 150).

РФХ *дергать тигра за бороду* означает: ‘смотреть в глаза опасности’:

«Я не сомневался в силе своей секиры, самолично дважды *«дергал тигра за бороду»*, но остался жив только по вашей милости» («Сон...» 1982, 199).

Тигры встречаются в иносказательных выражениях и компаративных РФХ:

«Я вижу, человек нападает на *тигрицу*, которая его не трогала» (Семанов 2000, 141); «*Не от тигра ли ты бежала*, что так запыхалась? – с добродушной усмешкой спросила Мать Хи Джуна, видя, что гостя не может перевести дух от быстрой ходьбы» (Ли Ги Ен 1967, 230); «Этот юноша не побоялся вместо своей сестры *войти в логово тигра*» («Записки...» 1985, 184); «Может, и стал Тхэ Бэк Пхун главарем шайки, но мне пока вреда никакого не причинил. К тому же сила у него небольшая. Так не лучше ли оставить его в покое? А то шума наделаем и ничего не добьемся. Ведь *это все равно что пощекотать соломинкой спящего тигра*» («Феи с Алмазных гор» 1991, 72); «Тут он просто запрыгал от радости: «Вот уж *подлинно я – рыба, выскользнувшая из сети, тигр, вырвавшийся из западни*. Если бы не мое хитроумие, довелось бы разве мне увидеть родные горы и реки?» («Приключения зайца» 1960, 321).

Тигр отмечен во многих пословицах: «Младенцу ли в пеленках презрительно взирать на взрослых! *Ты подобна щенку, еще не выдавшему тигра!*» («Роза и Алая Лотос» 1974, 54); «Недаром гласит пословица: *«Убежал от волка – наскочил на тигра»*» («Феи с Алмазных гор» 1991, 132); «Знаешь пословицу: *«Тигр, вырвавшийся из западни, злее, чем тигр, в западню не попавший*. Для нас с тобой этот *тигр* – Яньский князь» («Сон...» 1982, 364); «Верно говорят: *не узнаешь, что у тигра на уме, у человека на душе*, – в гневе вскричал Симынь...» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 251); «Недаром говорят: *«Убежишь от косули –*

встретишь тигра»; «В старину говорили: «Не войдешь в логово тигра – не поймает тигренка» («Приключения зайца» 1990, 343; 346); «Как говорится в пословице: «Нарисовал тигра, кости ему уж не подрисуешь, полюбил человека, душу его уж не разгадаешь» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 341).

Черепаша

Черепаша в Китае и Корее – древнейший, окруженный особым почтением символ космического порядка, высокодуховное существо (см. Тресиддер 2001, 409; Jober 1962, 1590).

Черепаша считалась священным животным; она олицетворяла долголетие, силу, выносливость, терпение и постоянство (Гриффис 1884, 48-49; Паукер 1904, 42; Тресиддер 2001, 409). *Черепаша* – животное, покрытое темным панцирем, медлительное в своих движениях, имеет голову змеи и шею дракона, зарывается в зимнее время в землю. Она всегда напоминает о зиме и своим поведением дает знать, когда начинается и когда кончается зимний сезон. Понятие *черепаша* в дальневосточных странах ассоциировалось с зимой и севером. Она выступала под именем Черного Воина. Ее куполообразную спину уподобляли небесному своду, а брюхо – земле. Долголетие *черепаша* стало символом вечности; верили, что она живет до трех тысяч лет. Именно на спине волшебной *черепаша*, выползшей из Желтой Реки, были начертаны знаменитые Восемь триграмм. Изображение сплетенных *черепаша* и змеи с глубокой древности служило зримым образом сотворения мира (см. об этом Малявин 2000, 341; Сидихменов 2000, 45).

Черепаша – популярный персонаж древних корейских и китайских мифов и легенд, где она предстает символом мироздания. В преданиях *черепаша* очень усердная, трудолюбивая и исполнительная, единственный посредник между подводным владыкой Драконом и наземным миром.

Черепаша – один из излюбленных образов корейского изобразительного искусства. *Черепаша* широко представлена в корейском искусстве ваяния: каменные *черепаша* служат постаментом для памятников на могилах знатных людей или основанием зданий. *Черепаша* украшают императорские дворцы, цокольную часть зданий, камни в садах и парках, сосуды для воды, каменные бассейны.

Черепаша – составная часть идеальной картины природы, гармонии животного и растительного миров:

«Вижу белку на крутой скале, // *Черепаша* возле быстрой речки. // В таволге весь день звенят пичуги, // Над пионами жужжит пчела» (Бамбук в снегу» 1978, 281).

Черепаша – цветовой образ:

«Золотая черепаха // Карабкается по песку» («Классическая поэзия...» 1977, 481).

Черепаха – «гастрономический» образ:

«Братья Ким очень любили *черепаховый суп* и частенько лакомились им» («Черепаховый суп» 1970, 102); «*Черепаховый бульон* особенно вкусен!» («Повесть о зайце» 1960, 292).

Панцирь черепахи – материал, который использовался для изготовления домашней утвари:

«Были поданы вареная грудинка *на черепаховом блюде* и свинина – на маленьком блюде» («Роза и Алый Лотос» 1974, 322-323); «Ведь *из панциря черепахи* сделана большая ширма...» («Верная Чхун Хян» 1990, 53); «В левой руке у каждого кувшин, в правой – *черепаховая шкатулка*» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 141); «перила *из черепаховых панцирей*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 225).

Образ *черепахи* характерен для многих предметов быта:

«Вот кувшин... *в виде черепахи*, расписной китайский и позолоченный...» («Верная Чхун Хян» 1990, 44); «...сосуд для воды, изображающий *черепаху*...» («Повесть о Хынбу» 1960, 441)

В древности в Китае и Корее в особо важных случаях гадали по трещинам, появившимся на панцирях *черепах*. Ей приписывали колдовскую силу (см. об этом Малявин 2000, 305; Самозванцев 2000, 249):

«А сейчас *на черепахе* гадали. Пришли бы пораньше – и вам погадали бы» («Цветы сливы...» Т. 2 1998, 69).

В XVI веке корейским адмиралом Ли Сун Сином было построено первое в Восточной Азии боевое бронированное судно в форме *черепахи* – кобуксон (корабль-*черепаха*), в нескольких блестящих сражениях наголову разбившее превосходящий численностью японский флот, отрезав оккупационные войска от баз в Японии (см. об этом Зайчиков 1951, 12).

«Хун передала Су Юй-цину рисунок, на котором был изображен корабль в виде морской *черепахи*. С четырех сторон у него «ноги», а внутри – особая машина. Стоит ее запустить, и корабль-*черепаха* поплывет против течения. Если поднимет «голову», взберется на любую волну. Скорость у него как у ветра. Внутри основного, большого корабля еще один, маленький. Тот, что снаружи, может качаться на волнах, а тот, что внутри, всегда в покое, и как раз во внутреннем корабле прячутся воины и хранится оружие» («Сон...» 1982, 299).

Черепаха встречается в названиях. В Китае в руководстве по игре на цине, созданном в XVI веке, один из музыкальных приемов носит название «*священная черепаха выходит из воды*» (Малявин 1995, 80).

Черепаха зафиксирована в иносказательном выражении:

«Сейчас мы бедны, и вам до сих пор приходится трудиться. И если я, превратясь в пса, который сторожит дом, *в черепаху*, которая еле во-

лочит хвост, не сыщу себе в мире известности, но так и не засверкает моя слава и нечем мне будет порадовать душу родимой» (Ким Ман Чжун 1961, 50).

Черепаха отмечена в образном сравнении. Походка красавицы отождествляется с *черепахой*. Следует отметить, что такая лексема, как *черепаха* в русском языке коннотативно обусловлена. В русской языковой ментальности *черепаха* связывается с медлительностью и неуклюжестью <ср. *ползет (тащится) как черепаха*>, поэтому для русской женщины сравнение ее походки с *черепахой* едва ли вызовет положительные эмоции.

«Вслед за слугой ступала она по дороге, залитой солнцем, словно большая *черепаха* по белому песку...» («Роза и Альый Лотос» 1975, 335).

Черепаха встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Судьба моей дочери, чистой, как яшма, будет тогда словно полованный панцирь *черепахи*...» (Верная Чхун Хян» 1960, 58); «...я все вытерплю. Я не *черепаха*, которую хоть насквозь проколи, капли крови не увидишь» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 43).

Несмотря на тот факт, что *черепаха* почитается в двух странах как «священное» животное, она может служить бранным словом, а также символом лени:

«Ах ты, *черепаха*, проклятая!»; «Погналась за этим *черепашиным выродком*, так и жила бы с ним» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 216; 220); «Ты, оказывается, последний лентяй, подобно *черепахе* в нашем дворце» («Предания гор Кымгынсан» 1990, 87).

Сорока

Сорока – счастливый знак в Корее и Китае, означающий радость, счастливый брак (Jobe 1962, 1041). Пять сорок служили символом традиционных «пяти видов счастья» (здоровье, богатство, потомство, долголетие, знатность). Считалось, что крик *сороки* предвещает встречу с друзьями. В русской традиции *сорока* – птица, связанная с болтливостью (напр., *трещит как сорока; заладила (затвердила) сорока Якова (одно про всякого); всякая сорока от своего языка погибает* и др.).

Сорока считается национальной птицей Кореи (см. «Республика Корея. Путеводитель» 2000, 97).

В дальневосточном стереотипном мышлении *сорока* – птица, передающая самые хорошие вести. Это нашло отражение в литературе:

«На юго-востоке птичий крик считается дурным предзнаменованием, а *сорочьё стрекотание* – добрым. Поэтому *сороку* называют еще «радующая» («Нефритовая роса» 2000, 93); «A couple of *magpies* over a ginkgo tree // Fly with vigorous flaps of wings, bringing happy news» (Park Young-man 1999, 35).

Художники Кореи и Китая обращались к изображению *сороки* и цветущей сливы, что означало большую радость, а изображение двух *сорок* служило «эмблемой счастья». Такие «эмблемы» вывешивались на улицах и в домах в праздничные дни (см. Сидихменов 2000, 380; 29).

Сороки – вестницы весны:

“...*magpies* telling the news of spring...” (Park Young-man 1999, 79).

Сорока выступает и как «гастрономический» образ:

«И зачем это вы влезли на такое высокое дерево? Уж не хотите ли полакомиться птенцами *сороки*?!» («История цветов» 1991, 126).

С сороками связана одна из самых романтических дальневосточных легенд о двух звездах в созвездии Водолея Кённу (Пастух) и Чиннё (Ткачиха), которые полюбили друг друга и поженились. Однако Небесный владыка разлучил их за то, что, увлекшись любовью, они забыли свои обязанности: пасти скот и ткать шелк. Кённу отправили на западный берег Серебряной реки (Млечного пути), а Чиннё – на восточный. Встретаться они могли лишь один раз в году – в седьмой день седьмой луны по традиционному дальневосточному календарю. Переправиться через Серебряную реку можно лишь *по Сорочьему мосту*, а *сороки*, как не спешили, быстро построить его не могли, так как очень долго искали ветки для моста. Известно, что в седьмом месяце года *сороки* бывают плешивыми. Считается, что это оттого, что они носят на голове ветки *для Сорочьего моста* (см. «Феи с Алмазных гор» 1991, 15-16; Chevalier, Gheerbrant 1994, 553). И действительно, именно в этот день созвездия Орла и Лиры сближаются в небе на фоне Млечного пути.

Этот день является неофициальным праздником во многих дальневосточных странах. *Сорочий мост* в корейских повестях – символ встречи влюбленных (см. Троцевич 1975, 190). Ссылки на эту легенду часто встречаются в художественной литературе:

«*Сороки* уже навели свой чудесный мост через Серебряную реку»; «*Сорочий мост* – место любовной встречи, потому третий там всегда лишний» («Сон...» 1982, 27); «И вот как сказал бы здесь человек с тонкой душой: «В сей миг Пастух уже ступил на мост, построенный *сороками*...» (Би Сяошэн 1992, 136).

Выражение *от небесного брода давно улетели сороки* в корейской литературе символизирует окончание любовного свидания (см. Ким Си Сып 1972, 152):

«Мы расстаемся, и кто знает, когда свидимся вновь... *От Небесного Брода давно улетели сороки*...» (Ким Си Сып 1972, 24).

В Китае с давних пор существовало поверье, что если жена во время отсутствия мужа была ему неверна, то половинка зеркала, которую муж оставлял жене, превращалась в *сороку* (см. Chevalier, Gheerbrant 1994, 553).

В Корее с *сороками* связаны разные приметы. Например, считали, что если *сорока* кричит рано утром, то ожидается приятный гость, а если вечером – к несчастью. Если *сороки* станут вить гнезда к югу от дома, хозяин станет чиновником или получит повышение, если он уже чиновник (см. об этом Конрад 1996, 93).

Сорока встречается в сравнительных конструкциях:

«Красивая чистая одежда Ённи изорвалась, растрепались длинные косы, словно гнездо *сороки* стали» («Феи с Алмазных гор» 1991, 184); «...я, старуха, в семьдесят лет останусь без зятя и без дочери, словно клешня, брошенная *сорокой* с горы Тэбэксан» («Верная Чхун Хян» 1990, 75).

Журавль

Долголетие, мудрость, преданность и честь – символические значения, которыми наделяются *журавли* в Корее и Китае (Тресиддер 2001, 102; Chevalier, Gheerbrant 1994, 240). Корейские поэты называли свою родину – «*страной белых журавлей*» (см. об этом Васильев 1976, 3).

В дальневосточных странах *журавль* почитается, как священная птица:

«Над гребнями Гор Алмазных // На самых крутых вершинах // Гнездится *журавль* священный, // Выводит своих птенцов» («Бамбук в снегу» 1978, 252).

По мифологическим представлениям народов Дальнего Востока, наравне с быстроногими скакунами *журавли* неизменно присутствовали в даосском раю. Из яиц этих священных птиц готовили пилюли бессмертия (см. об этом Сидихменов 2000, 177; Chevalier, Gheerbrant 1994, 240).

В дальневосточной мифологической традиции *журавли* переносят по воздуху небожителей, сопровождают умерших (см. об этом «Бамбук в снегу» 1978, 292). Это нашло отражение в литературе:

«...спускается к ней на *журавле* с небесной высоты прекрасная фея» («Подвижница Сим Чхон» 1990, 195); «Беседка над кручей рядом с лунной; // Внизу, под скалой, вода. // То на веслах иду, то на шесте – // вверх и вниз по реке. // Кого *журавли* вознесли в небеса, // тот не вернется сюда» («Классическая поэзия...» 1980, 414).

Полагали, что фениксы и *журавли*, будучи посланцами небожителей, являются знатоками и тонкими ценителями музыки:

«Нет спору, музыка циньских дам красива, однако из древних книг нам ведомо, что фениксы начинают танцевать только после Девяти призывов Шуня, а если музыка не тронет небожителей, то фениксы танцевать не станут! Мы не можем сказать, какая из наложниц яньского князя играла искуснее, но мы явственно видели, как под их мелодию плясали белые *журавли*!» («Сон...» 1982, 554).

Журавль – птица, связанная с представлениями о бессмертном бытии:

«Ты знаешь, я уже почти забыл, // Кто гость сегодня здесь, а кто — хозяин. // Должно быть, господин долины этой, // И гор зеленых, и прозрачных рек — // *Журавль*, тот, что парит над нами, // Тот, кто нас ждет в Нефритовом Дворце! // И так хозяину промолвил странник: // А разве ты не из бессмертных сам?» («Бамбук в снегу» 1978, 267); «*Журавли*, // расскажите мне о былом» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 288).

Журавль — элемент идеальной картины природы:

«В воде плещутся рыбки, а золотистые карпы, похожие на пиалы, радуются так, будто видят любимых, *журавль* в лунном сиянии страстно зовет подругу» («Верная Чхун Хян» 1990, 38); «*Журавли*, спящие среди цветов, взлетают, испугавшись шороха шагов» («Приключения зайца» 1990, 334).

Крики улетающих *журавлей* символизируют приход осени:

«Увядают травы, опадают листья, жалобно кричат улетающие *журавли*» («Черепашков суп» 1970, 199).

Журавль выступает как цветовой образ:

«В своей черно-белой одежде // Парят *журавли* в поднебесье...» («Бамбук в снегу» 1978, 253); «В этот миг все кругом окуталось белыми облаками, среди которых парили попарно синие и белые *журавли*, фениксы и павлины» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 243); «Снилось и мне кое-что прошлой ночью... Будто оседлал я желтоперового *журавля*, взлетаю на нем в небо...» («Повесть о фазане» 1960, 133).

Журавль — звуковой образ:

«...по саду гуляют поющие *журавли*» («История цветов» 1991, 591); «И разбудит меня, быть может, *журавлиное курлыканье*, доносящееся бог весть откуда» («Повесть о зайце» 1960, 301).

Звучание корейского национального музыкального инструмента отождествляется с криком *журавлей*:

«Нын Пха достала пибу и тронула струны — звуки были чисты, они словно печалились и тосковали: казалось, будто ручей журчит в горной долине, будто кричат *журавли* высоко в небе...» (Ким Ман Чжун 1962, 324).

Журавль — символ уединения, друг отшельника, живущего среди «зеленых гор и синих рек» вдали от суетного мира. *Журавль* — одинокая, но общительная птица: бродит около дома отшельника, танцует, слушая его игру на цине (см. об этом Никитина 1994, 210).

«Мой дом стоит в предгорье Пэкхасана. // Кто станет среди гор его искать? // Меня лишь свежий ветер навещает, // Приходит в гости ясная луна. // *Журавль* у самого двора танцует... // Они ли мне не верные друзья?»; «В оконной раме из бамбука — ночь. // Луна восходит над оградой сада. // На семиструнном цине я играю, // Звук циня — как журчание

воды. // И, слушает мою игру журавль // Пришел во двор и в плавном танце кружит» («Бамбук в снегу» 1978, 156;172); «...вдруг в воздухе раздался крик журавля и перед ним предстал отшельник» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 499).

Журавль встречается в названиях. В Китае в руководстве по игре на цине, созданном в XVI веке, один из музыкальных приемов носит название «*журавль танцует в пустынном саду*». В живописной традиции Китая преобладающая каллиграфическая природа засвидетельствована уже в самом названии некоторых из стильных штрихов: «следы журавлиного клюва» (см. Малявин 1995, 80; 122), а также «двойной журавль» («Золотая птица Гаруда» 1994, 23).

Журавли – любимый мотив дальневосточной живописи. *Журавль* запечатлен на многих картинах и аппликациях, вышивках корейских мастеров разных эпох. В Китае изображение журавля, летящего к солнцу, – символ общественных устремлений, его белоснежное тело – чистоты, красная голова – огня жизни (см. Тресиддер 2001, 102).

В виде пожелания счастья на свитках были нарисованы десять символов долголетия – солнце, журавль и другие...» («Роза и Алый Лотос» 1974, 322).

Изображение журавля чаще всего встречается в отделке мебели, домашней утвари:

«...на столике – старинная бронзовая курительница, украшенная журавлем, сделанным из чистого золота» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 348).

Журавль – узор на одежде. Известно, что китайские священники под верхним облачением носили халат, украшенный спереди и сзади триграммами, а также изображением единорога и белых журавлей – символов бессмертия (см. Малявин 2000, 535-536).

«...талию подпоясали кушаком, расшитым журавлями» («Верная Чхун Хян» 1990, 46); «А бородатый в халате, расшитом парами журавлей...» («История цветов» 1991, 472).

На шлемах корейских воинов традиционно изображались драконы, фениксы и журавли:

«На боевом шлеме красовались дракон с фениксом и пара журавлей, собранная из золотых колец кольчуга походила на змеиную чешую, а поверх нее кровавым огнем горел усыпанный рубинами пояс» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 536).

Платье из перьев журавля носили отшельники-даосы (см. Троцевич 1975, 189):

«Хэ Цин в головной повязке и в халате, убранном журавлиными перьями, ночью вышел пешком из ворот лагеря» («Записки...» 1985, 209).

Образ журавля активно использовался в китайской кулинарии: в форме журавлей изготавливались пирожные (см. об этом Семанов 2000, 109).

Журавль соотнесен с любовной тематикой:

«Протяжно курлыкал *журавль*, словно вспоминая о прежней любви» («Корейские повести» 1954, 187).

Журавль входит в состав образных сравнений при характеристике человека. Облик красавицы соотнесен с *журавлем*:

«Как женщины между собой не схожи... // Одна – *журавль* среди цветов и трав...» («Корейская классическая поэзия» 1956, 228).

Совершенно необычным может показаться русскоязычному читателю отождествление лица красавицы с *журавлем*. Для русскоязычного читателя такая портретная характеристика является интеркультурной лакуной. Для носителя же корейского языка такое сравнение хоть и воспринимается, как устаревшее, однако оно понятно. В русской языковой ментальности при портретной характеристике человека *журавль* не вызывает у русской положительных ассоциаций (ср., например, *журавлиная шея* – о тонкой и длинной шее, *журавлиные ноги* – тонкие и длинные ноги, *журавлиная походка* – с выбрасыванием не согнутой в колене ноги).

«Утонченность ее личика напоминает образ *журавля*, играющего у голубой реки...» («Верная Чхун Хян» 1990, 30); «her neat face like a crane under the snowy moon» (Kim Tae-kil 1990, 65).

Голос красавицы уподобляется крику *журавля*, парящего в облаках:

«Сом Воль подняла на мгновение глаза, взор блеснул, как утренняя звезда, и будто сама собой полилась ясная песня, то *журавль* застонал в облаках...» (Ким Ман Чжун 1961, 76).

С *журавлем* сравнивается одинокая состарившаяся женщина:

«Но пройдут годы, и станешь ты вроде... одинокового *журавля*...» («Роза и Алый Лотос» 1974, 335).

Юноша также отождествляется с *журавлем*:

«Чхун Хян теперь принадлежит ему, и он, словно *журавль*, танцующий на самой высокой вершине Самгак, обеими руками осторожно взял нежные яшмовые ручки Чхун Хян...» («Верная Чхун Хян» 1960, 62).

Руки красавца соотносятся с *крыльями журавля*:

«Вот юноша взмахнул руками, словно *журавль*, танцующий в лучах заходящего солнца на самой высокой вершине горы Самгак...» («Верная Чхун Хян» 1990, 46).

Цвет волос пожилого человека отождествлен с *перьями журавля*:

«У него было молодое лицо и седые волосы, словно *перья журавля*» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 68).

У корейцев бытует представление о том, что *журавль* – энергичная птица, поэтому энергичный человек уподобляется *журавлю*:

«Хэ Цин видел, что князь Сюань бодр, как самый неутомный *журавль* в стае...» («Записки...» 1985, 193).

Журавль встречается и в других сравнительных конструкциях:

«...с голубого утуна звонкая капает прозрачная роса, словно журавль проснулся»; «Но Моннён... начал свою игру... Так одинокий журавль на пяти озерах с орхидеей в клюве играет у хижины пяти отшельников» («Верная Чхун Хян» 1990, 55;52); «Она <рыбья чешуя> порхает у дверей, а после тихо опускается на землю, как журавлиный пух» («Цветы сливы...» Т. 1 1998, 238).

Журавль отмечен в пословице:

«...Тю Тхэ Вон поддержал его: – А как же! Так и должно быть! Девка, видать, смышленная! Конечно, журавль мелкой птахе не пара!» (Ли Ги Ен 1958, 370).

Итак, как показали исследования, представители животного мира занимают важное место в переводных произведениях. Животные в художественных текстах выступают как разного рода эмблемы (напр., дракон – эмблема императорской власти, феникс – эмблема императрицы, цилинь – эмблема мира и хорошего правления); символы (черепаха символизирует долголетие, фениксы – супружеское счастье и т. д.); эталоны мужской и женской красоты (напр., феникс, журавль, дракон); различные знаки: зодиака (дракон, тигр); различия у военных и гражданских чинов (тигр, журавль); времен года (зеленый дракон – весны, феникс – лета, тигр – осени, черепаха – зимы); элементы идеальной картины природы (черепаха, журавль) и т. д.

В дальневосточном стереотипном мышлении за животными закрепляются определенные добродетели: дракон – одаренность, решительность, храбрость, ловкость; феникс – милосердие, человеколюбие, верность долгу, знание обрядов; цилинь – кротость, честность, доброта; черепаха – долголетие, выносливость и сила; журавль – долголетие, мудрость, преданность и честь. Образ тигра в дальневосточной традиции амбивалентен: за ним закреплены, как положительные качества (справедливость, порядочность, благородство, отвага, знание традиций, почтительность к родителям), так и отрицательные (свирепость, жестокость, хитрость).

Животные – неотъемлемая часть корейских и китайских мифов, легенд и поверий. Практически со всеми животными данной группы образованы речения фразеологического характера, они входят в состав образных сравнений, пословиц, поговорок.

Некоторые животные стали национальными символами (тигр, сорока).

У всех представителей животного мира есть своя символика, которая придает национальный колорит переводным произведениям.

Л и т е р а т у р а

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
2. *Би Сяошен*. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Братъя Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.113-190.
4. *Васильев Г.* Белая цапля. М.: Изд-во «Наука». Главная ред. Восточ. литер., 1976
5. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
6. *Грифис В.* Извлечение из сочинения «Corea the hermit nation».СПб.: Военная типография, 1884.
7. *Ду Фу*. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
8. *Зайчиков В. Т.* Корея. М.: Географгиз, 1951.
9. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
10. Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
11. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
12. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1999.
13. *Ким Г. Н.* История религий в Корее. Алматы: Казак. ун-т, 2001.
14. *Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
15. *Ким Си Сын*. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
16. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
17. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худож. литер., 1975.
18. Книга прозрений. / Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
19. *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы и письма. М.:РОССПЭН, 1996.
20. *Концевич Л. Р.* Корееведение. Избранные работы. М.: И.Д. «Муравей-Гайд» 2001.
21. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
22. Корейские повести. М.:ГИХЛ, 1954.
23. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
24. Корея. Карманная энциклопедия. М.:И.Д. «Муравей-Гайд», 2000.
25. *Костенко А., Петушков И.* Традиционный китайский календарь и прорицательные системы. Киев: Изд-во «София»,1999.
26. *Ли Ги Ен*. Земля. Роман. М.: Изд-во иностр. литер., 1958
27. *Ли Ги Ен*. Родная сторона. Роман. М.:Худож. литер., 1967.
28. *Лим Чже*. Мышь под судом. Повесть. М.: Худож. литер., 1964.
29. *Малявин В. В.* Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство» 1995.
30. *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
31. *Малявин В. В.* Молния в сердце. М.: Изд-во «Наталис», 1997.
32. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М.: Рос. энциклопедия, 1997..
33. Нефритовая роса. Из китайских сборников бици X-XIII веков. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
34. *Никитина М. И.* Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001.
35. *Паукер Е. О.* Корея. Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение». СПб.: АО «Слово», 1904.
36. Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966.

37. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
38. Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
39. Повесть о Хынбу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.408-490.
40. Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён) СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
41. Поджио М.А. Очерки Кореи. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892.
42. Предания гор Кымгынсан. Пхеньян: Изд-ство литер. на иностр. яз., 1990
43. *Лу Сун-лин*. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука, 1999.
44. Роза и Альби Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
45. Республика Корея. Путеводитель. ЗАО «Авангард», 2000.
46. *Самозванцев А. М.* Мифология Востока. М.: Изд-во «Алетейя», 2000.
47. *Семанов В. И.* Из наложниц в императрицы. М.: ИД «Муравей», 2000.
48. *Сидихменов В. Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
49. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
50. Сказки народов мира. М.: Изд-во «Правда», 1987.
51. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
52. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
53. *Сон Хён*. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып.5. С.25-109.
54. Ссяньчхон кыйбонъ (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
55. *Тресиддер Джек*. Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
56. *Троцевич А. Ф.* Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
57. Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Худож. литер., 1991.
58. *Хо Гюн*. Достойный Хон Кильдон // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож.литер., 1990.
59. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
60. Черепаховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970
61. *Шеппинг Д. С.* Обзорение звериного эпоса Западной Европы. Материалы для сравнительного изучения русской символики животных // Филологические записки. 1869. Вып.1. С.1-14.
62. *Chevalier Jean, Gheerbrant Alain.* A Dictionary of Symbols. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994,
63. *Jobber Gertrude.* Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York: The Scarecrow Press.1962
64. *Kim Tae-kil.* Values of Korean People Mirrored in Fiction. Vol.1.Seoul: Dae Kwang Munwhasa, 1990.
65. *Park Young-man.* The Scent of Flowers. Seoul: Hankang publishing Company, 1999
66. *Pratt Keith , Rutt Richard.* Korea. A Historical and Cultural Dictionary. Great Britain: University of Durham, Curzon Press, 1999.